

**ВАЛЕРИЙ
ЛЕГОСТАЕВ**

**КАК
ГОРБАЧЕВ
“ПРОРВАЛСЯ
ВО ВЛАСТЬ”**

Суд истории

Валерий Легостаев

**Как Горбачев
«прорвался во власть»**

«Алисторус»

2011

Легостаев В.

Как Горбачев «прорвался во власть» / В. Легостаев —
«Алисторус», 2011 — (Суд истории)

ISBN 978-5-699-49915-1

Автор этой книги В. М. Легостаев входил в ЦК КПСС, а в годы горбачевской «перестройки» был первым помощником члена Политбюро ЦК КПСС Е. К. Лигачева. В своей книге, основанной на документах ЦК и личных дневниковых записях, В. М. Легостаев показывает, как развивались события в роковые для СССР 1980-е годы, какие процессы шли в это время в партии и стране, кто стоял за ними. Автор подробно описывает и деятельность М. Горбачева, начиная от смерти Л. И. Брежнева и заканчивая развалом СССР. В записках Легостаева приводятся многочисленные факты, которые открывают секреты проникновения Горбачева на место лидера самой влиятельной в мире политической партии, открывается тайна всей его фантастической карьеры. Главный вопрос, на который отвечает автор, «как Горбачев прорвался во власть, учитывая, что он создавал впечатление довольно бесхребетного человека». Данная книга В. М. Легостаева ранее никогда не публиковалась, издается впервые.

ISBN 978-5-699-49915-1

© Легостаев В., 2011

© Алисторус, 2011

Содержание

Вместо предисловия	5
Часть 1	7
Часть 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Валерий Легостаев

Как Горбачев «прорвался во власть»

Вместо предисловия

В истории России с древнейших времен насчитывают всего шесть генсеков. Самым первым был Сталин. Он был Генсек Великий или, если угодно, Грозный. Он рыл каналы и строил города, побеждал врагов и карал негодяев. Его сменил Хрущев – Генсек Дурной. Он таскал мусор на могилу Великого и показывал кузькину мать. За ним пришел Брежнев – Генсек Добрый. Он сделал свой народ снаружи сильным, а внутри слабым. Потом пришел Андропов – Генсек Строгий. Он не велел уходить с работы в кино и хотел узнать, какое общество мы построили. Следующим стал Черненко – Генсек Бедный. Он был одиноким – и его сразу сожрали. Последним возник Горбачев – Генсек Кровавый, очень похожий на бывшего у нас в начале прошлого века последнего императора.

Оба – и генсек, и император, больше всего на свете любили самих себя и тяготели к либерализму. Император писал манифесты и давал свободы. При нем возникло множество разнообразных союзов, которые вырабатывали наказания. Керенский даже сказал, будто Россия тогда «обсоюзилась». При генсеке вся страна тоже писала программы, а народ должен был выбирать лучшую, пока Гавриил Попов рылся у него в карманах.

Император проиграл две войны и тащился от немцев. Генсек проиграл все до подштанников, тащился от немцев, американцев, евреев и всех других, – к западу от советской границы.

Император был подкаблучником, при нем государством правила его жена Алиса-Виктория-Елена-Бригитта-Луиза-Беатриса Гессенская. Генсек также был подкаблучником. Его супруга Раиса Максимовна членов Политбюро за чубы, конечно, не таскала, но работать учила. Об этом, между прочим, неплохо рассказал бывший политбюровец Лучинский.

У императора было свое ГКЧП, после которого в марте 17-го он сбежал со своего поста, бросив Россию на произвол судьбы. У генсека тоже было ГКЧП, после которого он сбежал со своего поста 25 декабря 1991 года.

После императора Россия умылась кровью и слезами так, что мало никому не показалось. После генсека Россия тоже умылась кровью и слезами, но кое-кому пока еще кажется мало.

* * *

Если попытаться охватить мысленным взором весь жизненный путь, пройденный Горбачевым, то станет сразу же видно, что пиковым моментом на этом пути стало избрание Михаила Горбачева в марте 1985 года генсеком ЦК КПСС. В дальнейшем он всего лишь конвертировал у западных менял эту высокую должность на кучу вышеозначенных денежных премий, медалек и прочих малополезных для спасения души прибаамбасов. Сдается мне поэтому, что тому, кто узнает секрет проникновения Горбачева на место лидера самой влиятельной в мире политической партии, откроется тайна и всей его фантастической карьеры.

Должен признаться, что на первых порах, т. е. в далекие тепер уже от нас 80-е, все в истории прихода Горбачева к власти представлялось мне предельно ясным. Ну как же, кто не знает: брежневское руководство впало в старческий маразм, после чего дружно вымерло. И тогда, под давлением всенародного недовольства, партийная верхушка была вынуждена призвать на царствие молодого, но тем не менее уже умудренного жизненным и политическим опытом Горбачева, чтобы он сделал перестройку. Было, было время, когда, подобно многим

советским простакам, и я искренне верил в эту клюкву, радовался избранию Горбачева генсеком.

Но с тех пор много воды утекло. Стали известны многочисленные факты, в совокупности которых просматривается совсем иная, загадочная и мрачная, по моим ощущениям, история проникновения Горбачева к высшей власти в СССР, окрашенная местами в кроваво-черные тона воистину шекспировской трагедии.

Часть 1

Тайна смерти Брежнева

Политическая карьера Л. И. Брежнева на высших должностях в СССР была необычайно продолжительной. Впервые он стал секретарем ЦК КПСС еще при Сталине, осенью 1952 года. Весной 1960-го занял главный государственный пост страны, став председателем Президиума Верховного Совета СССР. С октября 1964 года и до конца своих дней Брежнев был первым, а затем Генеральным секретарем ЦК КПСС. Таким образом, в общей сложности Брежнев входил в состав высшей политической и государственной элиты Советского Союза на протяжении трех десятилетий.

Как и все его ближайшие соратники, Брежнев был человеком войны. Это значит, что его жизненный и политический опыт, его понимание важнейших государственных интересов сложились в основном в военные годы. Соответственно, занимая высшие посты в партии и государстве, он направлял свои главные усилия на укрепление оборонной мощи и международных позиций Союза ССР. И преуспел в этом благом деле.

В последние годы жизни Брежнев тяжело болел. Именно в этот период он превратился в объект огульной критики и ядовитых насмешек как внутри страны, так и за ее рубежами. Больше всего Брежнева упрекали за то, что он якобы цепляется из последних сил за власть, не хочет уступить своего места.

Однако сейчас, когда о тех временах опубликовано уже множество авторитетных документов, стало очевидно, что Брежнев неоднократно пытался решить проблему преемника, начиная еще с середины 70-х. Тогда на эту роль предполагался первый секретарь Ленинградского обкома партии Романов. Позже появлялись и другие кандидатуры, и всегда это было сопряжено с обострением подспудной политической борьбой вокруг фигуры Брежнева. Нельзя исключить, что одна из очередных вспышек подобного рода приблизила час кончины 75-летнего генсека.

На эту мысль наводят, в частности, появившиеся за последние годы свидетельства об обстоятельствах, сопутствовавших смерти Брежнева утром 10 ноября 1982 года на даче в Заречье. Наиболее близко оказались к событиям того ноябрьского утра три человека. Первый – полковник КГБ Владимир Медведев, состоявший в личной охране Генерального секретаря на протяжении почти полутора десятилетий. Именно Медведев первым обнаружил Брежнева мертвым. Свои воспоминания об этом событии он подробно изложил в интересной книге «Человек за спиной».

Второй авторитетный свидетель – бывший начальник знаменитого 4-го Главного управления при Минздраве СССР, самый главный из всех кремлевских врачей, академик Евгений Чазов. Первым из медиков он оказался у тела умершего Брежнева. Его перу принадлежит книга «Здоровье и власть». На ее страницах он представил собственную версию обстоятельств смерти Брежнева. Третий человек, без участия которого трудно составить целостную картину событий, это – Юрий Андропов. Он не оставил после себя никаких свидетельств. Однако кое-что в этом плане сделали за него двое названных выше и еще некоторые другие авторы.

Попробуем теперь, опираясь главным образом на поименованные выше издания, реконструировать последовательность и логику обстоятельств, сопутствовавших кончине Брежнева.

* * *

В самом начале 80-х годов, в своих поисках кандидатуры возможного преемника, Брежнев остановился на Андропове. К этому времени Юрий Владимирович был уже зрелым, много-

опытным политиком. Полтора десятилетия он успешно возглавлял КГБ СССР. Его имя пользовалось известностью и авторитетом как в нашей стране, так и за рубежом. По своим качествам он был готов принять на свои плечи главную ответственность за судьбу великой державы и стремился к этой цели. О последнем свидетельствует Чазов, состоявший с Андроповым на протяжении многих лет в особо близких, доверительных отношениях: «он всегда мечтал встать во главе партии и государства».

Воспользовавшись скоропостижной кончиной в январе 1982 года второго секретаря ЦК Суслова, Брежнев провел через Политбюро решение о переводе на его место Андропова. Этот шаг дался генсеку непросто. Судя по всему, в Политбюро существовала сильная оппозиция идеи продвижения вверх Андропова. Косвенно об этом свидетельствуют несколько фактов. В частности, возражения Юрия Владимировича не были приняты во внимание при назначении вместо него Председателем КГБ СССР руководителя украинского республиканского КГБ Федорчука.

Кроме того, перебравшись в кабинет Суслова на Старой площади, Андропов достаточно долго находился как бы не у дел, оказался в тени. Только на майском (1982 года) Пленуме ЦК КПСС он был избран секретарем ЦК, и только после этого формально определился его статус как второго лица в партии. Однако, немаловажная деталь, и после Пленума ему не было передано курирование одним из основных структурных подразделений аппарата ЦК – отделом организационно-партийной работы. Он остался по-прежнему за Черненко.

Трудно назвать персонально всех, кто составлял оппозицию Андропову. Открытая политическая борьба была не в традициях Политбюро. Ясно, что против его выдвижения возражал Черненко. Известно также, что еще с конца 70-х у Андропова не сложились отношения с весьма близко стоявшим к Брежневу украинским лидером Щербицким. Не относился к числу сторонников Андропова первый секретарь МГК партии Гришин. Были, видимо, и другие оппоненты.

Тем не менее, начиная с лета 1982 года Андропов, обладавший несомненным ярким политическим талантом, постепенно укрепляет свои позиции в руководстве КПСС. Его акции как потенциального преемника Брежнева неуклонно идут вверх. И вдруг осенью того же года в аппарате ЦК начинают курсировать слухи, будто на предстоящем в ноябре Пленуме ЦК КПСС предполагается переход Брежнева на должность Председателя партии, а новым Генеральным секретарем будет рекомендован 64-летний Щербицкий. В своих политических мемуарах Гришин также говорит о слухах, согласно которым Брежнев «хотел на ближайшем Пленуме ЦК рекомендовать Щербицкого Генеральным секретарем ЦК КПСС, а самому перейти на должность Председателя ЦК партии. Осуществить это Л. И. Брежнев не успел». Есть на этот счет и другие свидетельства подобного рода. В частности, у Горбачева.

Что же послужило поводом для слухов? Ответ на этот вопрос лежит сверху: Брежнева убедили в том, что Андропов, при всех его несомненных достоинствах, уже много лет тяжело больной человек. Поэтому он не может принять на себя ответственность за страну. В конце октября, видимо, под впечатлением таких речей, Брежнев неожиданно позвонил Чазову: «Евгений, почему ты мне ничего не говоришь о здоровье Андропова? Как у него дела? Мне сказали, что он тяжело болен и его дни сочтены... Понимаешь, вокруг его болезни идут разговоры, и мы не можем на них не реагировать».

Накануне ноябрьских праздников у Чазова снова раздался звонок. Это был весьма встревоженный Андропов: «Я встречался с Брежневым, и он меня долго расспрашивал о самочувствии, о моей болезни, о том, чем он мог бы мне помочь. Сказал, что после праздников обязательно встретится с вами, чтобы обсудить, что еще можно сделать для моего лечения. Видимо, кто-то играет на моей болезни. Я прошу вас успокоить Брежнева и развеять его сомнения и настороженность в отношении моего будущего».

Думаю, вряд ли найдется человек, способный позавидовать Чазову, оказавшемуся таким образом между Брежневым и Андроповым.

* * *

Утром 7 ноября 1982 года Брежнев, как всегда, стоял на трибуне ленинского мавзолея. День был холодный, стылый. Официальные торжества по этой причине свернули быстро. Однако Брежнев чувствовал себя вполне удовлетворительно. На следующий день, 8 ноября, в Завидове он даже принял участие в охоте. Но сам уже не стрелял. Сидел в машине и наблюдал за действиями охотников, азартно сопереживал им. Еще через день, 9 ноября, отдохнувший, в хорошем настроении приехал, как оказалось, последний раз на работу в Кремль.

По линии охраны дежурил в этот раз Медведев. Он пишет о последних посетителях Брежнева: «Никто к нему не заходил в этот день, кроме помощников и референтов». Но есть на этот счет и другое, не менее авторитетное свидетельство. В тот день дежурным секретарем в приемной генсека работал Олег Захаров, с которым у меня, автора настоящих строк, были давние дружеские отношения. Олег Алексеевич проработал с Брежневым десять лет. После него был секретарем последовательно у Андропова и Черненко. Из трех генсеков с особым уважением относился именно к Андропову. В 1991 году Захаров опубликовал в еженедельнике «Гласность» от 8.08. свои заметки «О Юрии Владимировиче Андропове». В них вспомнил между делом и о последнем рабочем дне Брежнева.

По словам Захарова, утром 9 ноября из Завидова ему позвонил Медведев, который сообщил, что генсек придет в Кремль в районе 12 часов и просит пригласить к этому времени Андропова. Что и было сделано. Далее: «Брежнев прибыл в Кремль примерно в 12 часов дня в хорошем настроении, отдохнувшим от праздничной суеты. Как всегда, приветливо поздоровался, пошутил и тут же пригласил Андропова в кабинет. Они долго беседовали, судя по всему, встреча носила обычный деловой характер».

У меня нет ни малейших сомнений в том, что Захаров точно зафиксировал факт последней продолжительной встречи Брежнева и Андропова. Вместе с тем не могу допустить, что о ней мог запечатлеть Медведев. Выходит, у него были причины для умолчания?

Скорее всего, теперь уже навсегда останется тайной, о чем накануне своей смерти Брежнев долго беседовал с Андроповым. Однако с большой долей вероятности можно предположить, что речь шла о предстоящем Пленуме ЦК. Праздники остались позади, и подготовка к Пленуму превратилась в главную задачу дня. Будучи вторым секретарем, Андропов имел к ней прямое отношение. Если так, то столь же вероятно, что в беседе был затронут главный кадровый вопрос: о преемнике Генерального секретаря. Так или иначе, но днем 9 ноября Андропов стал, похоже, единственным обладателем какой-то важной информации о ближайших планах Брежнева.

Как пишет Медведев, вечером этого дня, за ужином в Заречье, Брежнев, «человек большой выдержки и мужества, впервые пожаловался на боль в горле». Других жалоб не было. Не став смотреть свою любимую передачу «Время», он пожелал всем спокойной ночи и поднялся в спальню. Около одиннадцати вслед за ним поднялась его супруга Виктория Петровна.

...Утром 10 ноября полковник Медведев закончил свое суточное дежурство и собирался ехать домой отдыхать. Однако заступивший ему на смену Владимир Собаченков, которому предстояло идти будить Брежнева, попросил пойти вместе с ним: «разбудим, потом поедешь». Такие просьбы случались у него и раньше, но не часто. В этот раз вышло особенно удачно: все остальное происходило при свидетелях. Как обычно, ровно без двух минут девять офицеры покинули служебное помещение. Вошли в дачу. На первом этаже в столовой завтракала Виктория Петровна. Супруга генсека страдала диабетом. Поэтому ежедневно в начале девятого

приезжала медсестра, делала ей укол инсулина. После чего подавали завтрак. Факт важный для привязки во времени. Поприветствовав Викторину Петровну, офицеры поднялись в спальню.

Здесь Собаченков сразу направился к окну, с шумом отдернул штору. Брежнев не пошевелился. Тогда Медведев легко потрогал его за предплечье: пора вставать. Никакой реакции. После повторных, более энергичных попыток разбудить генсека, Медведев, потрясенный, ставит диагноз: Леонид Ильич готов...

Возникает естественная в такой ситуации паника. Собаченков бросается к телефонам. Но кому звонит, неизвестно. В комнату влетает комендант генсека Сторонов. Вдвоем с Медведевым они стаскивают тяжелое тело Брежнева с кровати на пол и начинают делать искусственное дыхание. Выбываясь из сил, телохранитель и комендант продолжают свои попытки примерно полчаса, пока в спальне не появляется... Угадайте, кто? Взмыленные реаниматоры? Перепуганный Чазов? Ошалевший от страха ближайший участковый врач? Все мимо. Правильный ответ: пока в спальне не появляется серый лицом секретарь ЦК по идеологии Андропов. «Ну что тут?» – спросил он. «Да вот... – засмутился при виде начальства полковник, – по-моему, умер». Как пишет Медведев, его удивило, что «Андропов не задавал лишних или неприятных для нас вопросов». Он просто констатировал, что ничем уже не можешь, и спустился вниз к Викторине Петровне.

Тут возник начальник 4-го Управления Чазов. Простодушный читатель, наверное, полагает, что, увидев бездыханное тело своего наиважнейшего пациента, Чазов тут же выхватил стетоскоп, принялся прослушивать Брежнева, искать у него в отчаянной надежде пульс, заглядывать в зрачки, попутно причитая, дескать, беда-то какая, не оказалось врача рядом, потом затребовал для анализа все успокоительные таблетки, которые мог принимать в эту ночь генсек, и прочее, и прочее.

Если читатель так подумает, то будет действительно простодушным. На самом деле академик был так же спокоен и уравновешен. На слова Медведева: «Был еще теплый», – не реагировал. Но охранников похвалил, мол, сделали все, как надо. Потом спросил: где Андропов? И пошел вниз.

Наконец, приехали реаниматоры. Вместе с ними в спальню вернулся Чазов и с ним плачущая Виктория Петровна. Похоже, о случившемся ей сказал Андропов. Реаниматоры поинтересовались у Чазова: «Ну что? Делать?» Он согласился: «Делайте». Они поработали минут десять своими приборами для искусственного дыхания, потом сложили их в чемодан и уехали. После них грузное тело Брежнева подняли с пола на кровать. Связали руки. Эпоха закончилась.

Позже Виктория Петровна пеняла охране, что они не сообщили ей сразу. Медведев оправдывается: «Я ей сообщу, а потом приедут врачи, вдруг приведут Леонида Ильича в чувство, а Виктория Петровна уже будет лежать с сердечным приступом». Получается, Медведев допускал, что Брежнев может быть приведен в чувство.

* * *

Чазов утверждает, что 10 ноября, как обычно, к 8 утра приехал на работу. Не успел войти в кабинет, раздался звонок правительственной связи. Это был Собаченков. Он сказал, что Леониду Ильичу срочно нужна реанимация. Именно реанимация, не катафалк. Услышав такую новость о человеке, который совсем недавно намеревался разобраться с ним по поводу здоровья Андропова, Чазов поспешил на место происшествия. На ходу бросив секретарю в приемной, чтобы следом выслали «скорую». Проскочив под вой сирены Кутузовский и часть Минки, через 12 минут прибыл в Заречье. Получается, что он оказался на месте примерно за 40 минут до того, как Медведев и Собаченков направились будить своего подопечного. Как помним, это произошло без двух минут девять.

Примчавшись на дачу и едва взглянув на Брежнева, Чазов сразу определил, что тот «скончался несколько часов назад». Видимо, поэтому он не стал осматривать Брежнева, чтобы официально констатировать факт его смерти. Вместо этого он дождался «скорую». Она приехала, и врачи принялись за «реанимационные мероприятия», хотя их начальнику Чазову и без того все было ясно.

Дальше начинается самое интересное. Стоя над трупом Брежнева, Чазов решал две неотложные задачи. Первая: как сообщить о случившемся Виктории Петровне? Выходит, она, даже после прибытия «скорой», все еще ни о чем не догадывалась. Ну, это ладно. Вторая головомка была потруднее: кому, а главное, – как сообщить в руководстве? По телефону опасно. Могут подслушать Федорчук или Щелоков. Деталь любопытная. Напомню, что Федорчук был в те дни Председателем КГБ, а Щелоков – министром внутренних дел СССР. Они что, состояли в заговоре против Советской власти? И Чазову было об этом известно? Между прочим, и Медведев, и Собаченков как офицеры КГБ были, надо полагать, обязаны доложить о ЧП своему начальству «по команде». Почему они этого не сделали – вопрос.

Как опытный политический деятель, в сложившейся ситуации Чазов принимает единственно правильное решение: звонить Андропову. Пусть он «как второй человек в партии и государстве» возьмет в свои руки дальнейший ход событий. В интересах истины замечу, что Андропов тогда не занимал государственных постов, а значит, не был «вторым в государстве».

Впрочем, идем дальше. Поиски Андропова затягиваются. Задерживается где-то по пути на работу. Наконец, находят. Он появляется на даче, взволнованный и растерянный. Почему-то суетится и вдруг просит, «чтобы мы пригласили Черненко». Но тут вмешивается Виктория Петровна, которая все уже знает и теперь тоже начинает делать политику. Она решительно возражает против приезда Черненко: мужа он ей не вернет, а без этого «ему нечего делать на даче». Похоже, Андропов и Чазов обязались «мужа вернуть» и поэтому им позволили остаться. По ряду соображений, распространяться о которых здесь нет места, лично я сомневаюсь в том, что подобное заявление со стороны Виктории Петровны действительно имело место. По сути, имя Черненко используется в данном случае в качестве своеобразной подставки, призванной дать интересующимся людям, что называется, ложный след.

Наконец, ударная финальная сцена. Андропов просит своего друга Чазова проводить его в спальню генсека, чтобы попрощаться с покойным. И вот: «Андропов вздрогнул и побледнел, когда увидел мертвого Брежнева». Чазов полагает, что это была реакция на посетившую Андропова идею: «все мы смертны, какое бы положение ни занимали». Со своей стороны, допускаю, что Андропов был достаточно закаленным человеком, чтобы не вздрагивать в ответ на подобные банальности. Скорее, все-таки он вздрогнул при мысли, что примерно через час ему предстоит войти в эту спальню еще раз, чтобы отработать свою роль теперь уже по варианту Медведева.

Таким образом, самые авторитетные свидетели сообщают публике две несовместимые между собой последовательности событий. Согласно Медведеву, порядок прибывавших на дачу был следующим: Андропов – Чазов – «скорая». По утверждению начальника 4-го управления, все было с точностью до наоборот: Чазов – «скорая» – Андропов. Бесспорно, в нормальных условиях более естественной была бы вторая цепочка. Сначала – врач, за ним все остальные. Но это в нормальных условиях. У нас же, как всегда, первым появляется главный претендент на освободившееся место. За ним – не врач, но свидетель от медицины. Потом, если им позволят, все остальные.

В качестве еще одного курьеза приведу частное свидетельство Горбачева. В своем мемуальном мемуарном сочинении «Жизнь и реформы», которое по праву можно назвать шедевром политической хлестаковщины, он упоминает о своей встрече с Андроповым днем 10 ноября: «Ровным голосом он рассказал, что Виктория Петровна – жена Брежнева – попросила

срочно сообщить ему о смерти Леонида Ильича и передать, что его ждут на даче в Заречье. Никого другого видеть она не захотела».

Если теперь сложить все свидетельства, то получается следующая картина: сначала Чазов сообщил Андропову затем Андропов сообщил Виктории Петровне вслед за этим Виктория Петровна попросила уведомить Андропова, настаивая одновременно, чтобы больше никто не приезжал.

А в конце супруга Брежнева выговаривала охране за то, что ей не сказали сразу. Кстати, очень сомнительно и то, что Виктория Петровна могла ставить условия, кому приезжать на дачу, а кому нет. Брежнев не был частным лицом, и его супруга это понимала.

* * *

Из двух главных очевидцев, Медведева и Чазова, правду, по моему мнению, говорит Медведев. В подтверждение можно привести множество аргументов. Но главный в том, что, в отличие от Чазова, Медведев не занимался политикой и никому не подыгрывал. Вообще как автор упомянутой выше книги Медведев производит впечатление человека, способного сохранять верность памяти руководителя, доверием и привязанностью которого пользовался на протяжении полутора десятилетий. В наше время, когда бал правят люди с моралью лавочников и предателей, такое встретишь не часто.

Тогда возникает следующий вопрос: с какой целью искажает правду Чазов? Ответ напрашивается такой: для того, чтобы отвести тень малейших двусмысленностей от имени Андропова, а значит и от себя самого как ближайшего политического союзника будущего генсека в то загадочное утро. Как бы то ни было, но именно Андропов был последним из членов Политбюро, кто видел Брежнева живым, и первым, кто увидел его мертвым. Между этими двумя встречами лежит тайна, а значит – повод для догадок и предположений.

Чазов настолько поглощен защитой Андропова, что не находит времени ответить на вопросы, которые могут быть обращены к нему самому. А их немало: как могло случиться, что на главной государственной даче СССР в критический момент не оказалось даже заехавшего ветеринара, чтобы оказать неотложную помощь лидеру государства? Где была вся медицинская рать начальника 4-го управления, когда еще теплого Брежнева безуспешно пытались отходить сотрудники охраны? Почему был ликвидирован действовавший ранее на даче круглосуточный медицинский пункт? И так далее.

В прежние времена на правительственных трассах в Москве нередко можно было видеть corteжи правительственных «членовозов». Любопытствующим гражданам разъясняли, что в одном из автомобилей мчатся врачи-реаниматологи, готовые в любой миг оказать «оберегаемому государственному лицу» медицинскую помощь. Вот, думалось тогда, какая замечательная у нас медицина. Но оказалось, как и во многих других случаях, что это всего лишь фасад, за которым нет ничего, кроме равнодушия, безответственности, цинизма, чиновного политиканства. Тому, кто не догадывался об этом, смерть Брежнева, безобразная с точки зрения организации любой приличной медицинской помощи, открыла глаза. В большой политике, как в высоких горах, падение одного камня может вызвать всеобщий обвал.

Трудно избавиться от мысли, что проживи тогда Брежнев еще хотя бы месяц, судьба Советского Союза могла бы быть совсем иной. Может быть, сейчас на бескрайних просторах загубленного Союза не мыкали бы тяжкое горе миллионы бывших советских граждан, обращенные, неведомо за какие грехи, своим собственным государством в бесправных бездомных беженцев, изгоев общества.

Что касается Андропова, то, в свете опубликованных свидетельств, его роль в те ноябрьские дни действительно оставляет место для вопросов. Видимо, данное обстоятельство сказывалось и на взаимоотношениях между членами Политбюро после того, как он занял пост ген-

сека. Во всяком случае, хорошо известно, что за все время, пока Андропов был Генеральным секретарем, Щербицкий ни разу не переступил порога его служебного кабинета.

* * *

Хоронили Брежнева в понедельник, 15 ноября. Навсегда прощаясь с мужем на Красной площади, Виктория Петровна, склонившись, мелко перекрестила его гроб. Вечером в банкетном зале в Ново-Огареве устроили что-то вроде поминок по усопшему. Собрались родственники, друзья бывшего лидера, члены Политбюро, секретари ЦК. Кто мог думать тогда, что совсем скоро в этом же самом зале, под председательством Горбачева, соберутся молодые, жадные до почестей и власти наследники Брежнева, чтобы справить свои последние поминки. На этот раз по Советскому Союзу.

P.S. Когда на страницах «Правды» я впервые опубликовал материал о некоторых неясных обстоятельствах, сопутствовавших смерти Генерального секретаря Черненко и, в частности, упомянул, что в момент кончины Черненко упомянутый выше Чазов снова активно занимался политикой, правда, теперь в пользу Горбачева, – то в ответ на публикацию высокое медицинское начальство сделало в печати заявление, в котором упрекнуло меня за то, что будто бы я пытаюсь возродить «дело врачей».

Хочу сказать, что не имею ни возможностей, ни намерений заводить какие бы то ни было «дела». Вместе с тем придерживаюсь мнения, что если автор издает книгу, претендующую на ранг документального свидетельства, то он непременно предполагает за своим будущим читателем право задавать вопросы. Поэтому исключительно на правах любознательного читателя спрашиваю: как же все-таки умер Брежнев? Ведь прошло много лет, и, может быть, теперь уже позволительно сказать правду?..

Часть 2

Загадки Андропова

Я глубоко убежден, что тайну смерти Брежнева надо искать в архиве Андропова. До сих пор еще никто не имел полного доступа к этим бумагам. Между тем, тайн у Андропова было много и личностью он до сих пор остается загадочной.

Свой рассказ о нем я начну, как это ни покажется странным, с похорон Андропова. Итак, 9 февраля 1984 года в Кремлевской больнице в Москве скончался, не дотянув совсем немного до своего 70-летия, Юрий Владимирович Андропов, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, «выдающийся деятель ленинской партии и Советского государства, пламенный патриот социалистической Родины, неутомимый борец за мир и коммунизм». Слова, что в кавычках, заимствованы мной из Обращения ЦК КПСС, Президиума ВС СССР и Совмина СССР к Коммунистической партии, к советскому народу в связи с кончиной Андропова.

Смерть Андропова повлекла за собой для советского общества далеко идущие негативные последствия. В конечном счете она явилась одной из главных, если не главной причиной постигшей Россию в облике СССР всего лишь через несколько лет после 9 февраля крупнейшей за всю ее историю геополитической катастрофы. Дальше я попытаюсь обосновать это свое утверждение, которое сейчас многие читатели воспримут, наверное, как преувеличение.

Помимо масштаба эпохального, смерть Андропова, в силу сопутствовавших ей некоторых побочных обстоятельств, явилась значительным фактом и моей собственной биографии. Суть в том, что, став генсеком, Андропов перевел из Томского обкома в Москву Егора Кузьмича Лигачева, возвысил его до уровня секретаря ЦК по оргпарработе и приблизил к себе. Лигачев, в свою очередь, пригласил меня на роль одного из своих помощников. Таким образом, пребывание Юрия Владимировича на посту генсека принесло мне заметное и, как тогда думалось, перспективное продвижение по служебной лестнице. Может быть, по этой причине неожиданная кончина Андропова воспринималась мною как серьезная личная утрата.

Кроме этого в ту пору я считал – как, впрочем, продолжаю считать и сейчас – безусловно правильными действия Андропова на посту Генерального секретаря. Смерть генсека вызывала опасения, что начатый им политический курс не будет продолжен. Словом, в те невеселые дни я искренне разделял скорбь абсолютного большинства советских граждан по поводу кончины Андропова, тревожно размышляя вместе со всеми над вопросом: «Что же теперь будет?». Но это – только одна сторона моего жизненного опыта той поры.

Вторая, намного более существенная с точки зрения корректировки моего понимания окружающей политической реальности, состояла в том, что именно в дни похорон Андропова я впервые столкнулся с фактами, которые не укладывались в сложившуюся до этого в голове привычную и, как мне тогда казалось, абсолютно бесспорную картину событий. Отсюда в душе с годами стали прорастать побеги многочисленных сомнений и подозрений касательно как личности Юрия Владимировича, так и его подлинной роли в судьбе советских народов.

Первое поразительное откровение выпало на мою долю при прощании с телом покойного генсека в Колонном зале Дома Союзов. Для широкой публики доступ к телу открывали 11 февраля с 15 часов. За полчаса до этого прощались работники аппарата ЦК КПСС. Разобравшись перед входом в Дом Союзов по два, мы стали подниматься по лестнице, увитой гирляндами из хвои, в Колонный зал. Вся церемония и внутреннее убранство были всем нам хорошо известны, поскольку чуть более года назад сотрудники аппарата точно так же прощались с телом Брежнева. Та же драпировка красными и черными полотнищами стен Колонного зала, выстуженного уличным морозом; так же затянуты черным крепом люстры и зеркала; тот же

густой тошнотворный похоронный аромат от несметного количества прощальных венков из хвои и живых цветов; та же тихая надрывная музыка симфонического оркестра, расположившегося в левой стороне зала; так же склонены боевые знамена родов войск в изголовье покойного.

Гроб установлен слева по ходу зрителей на закамуфлированном венками постаменте с наклоном от головы к ногам и ярко освещен электрическим светом, так что лицо покойного хорошо просматривается идущими вместе мимо. У передней стенки постаumenta сделана специальная подставка, на которой укреплены подушечки с государственными наградами покойного. Их было на удивление немного. Позже я узнал, что у Андропова, как ни удивительно, не было военных наград, хотя в пропаганде он слыл одним из организаторов партизанского движения в Карелии в годы войны. Почему его военные заслуги, если они действительно имели место, правительство не вознаградило – лишь одна из множества других загадок его в целом загадочной биографии...

В одутловатом, водянистом лице покойного Юрия Владимировича меня больно зацепила сочувствием к умершему тень жестокого, неутоленного даже смертью страдания, которая проступала, несмотря ни на что, сквозь косметический грим. Мелькнула мысль, что врачи слишком долго не позволяли душе изнуренного болезнями генсека освободиться от земных уз. Но вслед за этим в мозгу вдруг вспыхнула удивительная догадка, что человек, чье лицо в круге яркого света лежало сейчас передо мной на гробовой подушке, при жизни, вне всяких сомнений, был евреем. Это показалось мне тогда настолько неправдоподобным, что я невольно замедлил перед гробом шаг, стараясь получше рассмотреть открывшуюся взору картину. И тут же чья-то твердая рука взяла меня под локоть, и аккуратный мужской голос проговорил над ухом: «Не задерживайтесь ...».

* * *

Надо сказать, что вживую я видел Андропова только один раз, в декабре 1982 года на Торжественном заседании в Кремле по случаю 60-летия образования СССР. Однако лицо Юрия Владимировича, стоявшего за трибуной, из глубины зала было не разглядеть в деталях, да у меня и не было причин стараться его разглядывать. Никаких вопросов по поводу национальности преемника Брежнева тогда у меня просто-напросто не возникало. Собственно, и в Колонном зале при прощании поразила не сама возможность того, что умерший генсек и глава Советского государства мог быть евреем. Почему бы и нет? Советские законы не запрещали гражданам СССР любой национальности занимать любые руководящие посты в партии и органах государственной власти. Однако поразило то, что за все 15 лет, когда Андропов возглавлял КГБ СССР, а затем 15 месяцев, когда он был генсеком ЦК партии, я ни разу, нигде, ни при каких обстоятельствах, ни в каких социальных средах не слышал никаких комментариев, домыслов, анекдотов, сплетен по поводу национальной принадлежности человека, длительный срок находившегося на столь мощно обрабатываемых антисоветской пропагандой постах в системе высшей власти в СССР.

Позже, размышляя над этим феноменом, частично объяснил его самому себе изначальным отсутствием со своей стороны какого-либо интереса ко всякого рода национальным дразгам и пересудам. Судьба сложилась так, что учился я в русской провинции, работал на рудниках на Украине, потом снова учился в Московском университете. Всегда вокруг были представители самых разных национальностей. Однако за время вплоть до окончания МГУ не могу вспомнить ни одного национального конфликта между окружающими меня людьми. Может быть, по этой причине тема национальностей никогда не пробуждала во мне интереса.

Когда в 1981 году я пришел на работу в ЦК, то увидел, что и здесь среди работников аппарата так же не принято педалировать тему национальных различий. Но зато из внешнего

мира, из-за стен ЦК по разным информационным каналам до аппаратных служб доходило в то смутное время перемены власти чудовищное количество самых невероятных сплетен, слухов, анекдотов, фальшивок, имеющих своей целью дискредитацию высшего руководства партии по признакам физического здоровья и национальной принадлежности.

Скрыться от этого не было никакой возможности. Особенно доставалось Брежневу. Его супруга Виктория Петровна была ославлена этими потоками информационного мусора как «стопроцентная жидовка», которая манипулирует своим «впавшим в маразм» супругом в интересах мирового еврейства. Фамилия «Суслов» разоблачалась как псевдоним еврея и русофоба. Еврейские корни обнаруживались в родословных Щербицкого и Черненко. Само собой были заклеены как тайные евреи Гришин, Кириленко и Устинов...

Невероятно и удивительно, но только Андропову чудесным образом удавалось избежать анонимных обвинений со стороны доходившей до аппаратных коридоров «народной молвы» в тайной принадлежности к еврейской расе. Ну, может быть, не были ославлены «евреями» еще только казахстанский лидер Кунаев и свежеиспеченный член Политбюро сельхозник Горбачев.

Вот, собственно, почему, возникшее у меня в Колонном зале подозрение, что на самом деле единственным реальным евреем в составе тогдашнего Политбюро был именно Андропов, так сильно озадачило и ввергло в соблазн многочисленных сомнений. Но это оказалось не единственным открытием.

* * *

В Москву для прощания с телом Юрия Владимировича, а затем и участия в его похоронах, съехались со всех концов света великое множество высоких делегаций. Были, естественно, представлены едва ли не все существующие в мире коммунистические, рабочие и другие левые партии и движения. Но прибыли и правительственные делегации западных капстран, причем большинство первым составом. Вчерашние враги и шумные критики дружно простили Андропову и то, что он 15 лет возглавлял ненавистный Западу КГБ; и то, что, будучи в 1983 году лидером СССР, он вел чрезвычайно острую полемику с США по проблемам ядерного разоружения, что, впрочем, не помешало Штатам разместить в Западной Европе свои «першинги»; простили и то, что при Андропове советские ПВО сбили южнокорейский авиалайнер, вторгшийся в закрытое воздушное пространство СССР.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.